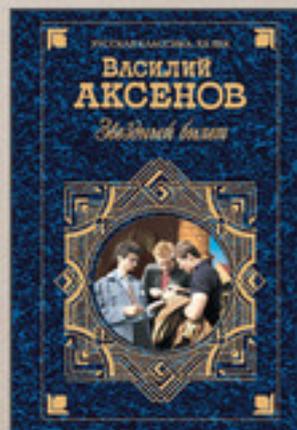

Василий Аксенов

Рандеву

*Часть сборника
Звездный билет (сборник)*

Василий Аксенов
Рандеву

«ЭКСМО»

1968

Аксенов В. П.

Рандеву / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1968

ISBN 978-5-425-02789-4

«Его все узнавали из среды интеллигенции. Девушки из среды интеллигенции узнавали пугливо, а самые интеллигентные из них узнавали всепонимающей улыбкой. Приезжающие в командировку молодые специалисты с ромбовидными значками узнавали открыто и восторженно, посылали к нему за столик бутылки шампанского, старались послать «сухое», но если нет, то хотя бы «полусладкое» — так и скажите, товарищ официант, от молодежи почтового ящика 14789...»

ISBN 978-5-425-02789-4

© Аксенов В. П., 1968

© Эксмо, 1968

Василий Павлович Аксенов

Рандеву

Это было в давние времена, в середине шестидесятых...

Его все узнавали из среды интеллигенции. Девушки из среды интеллигенции узнавали пугливо, а самые интеллигентные из них узнавали всепонимающей улыбкой. Приезжающие в командировку молодые специалисты с ромбовидными значками узнавали открыто и восторженно, посылали к нему за столик бутылки шампанского, старались послать «сухое», но если нет, то хотя бы «полусладкое» – так и скажите, товарищ официант, от молодежи почтового ящика 14789. Пожилые специалисты узнавали его лукаво, потом серьезно стремились вступить в контакт с целью обсуждения важных вопросов. Что касается мало-мальски интеллигентных иностранцев, то они все и всегда узнавали его. Нервно одергивая свои твиды, угодливо и беспомощно виляя в лабиринтах могучего русского языка, иностранные профессора тянулись к нему, чтобы путем беседы выяснить что-нибудь такое важное, а потом развить это важное в ученых записках, внести свой вклад в разгадку русской души.

Его узнавали многие люди и из других сфер. Всякий, кто следил за ходом нынешней жизни, узнавал его. Милиция, ОРУД-ГАИ – те его знали. Даже швейцар ресторана «Нашшараби» помнил его в лицо.

Иные злыдни, доморощенные сальери, делали вид, что не узнают его, а если и узнают, то плюют на него, что он им уже надоел, что говорить о нем противно и банально, и они говорили о том, что это противно и банально, долго и упорно, а потом переходили к злым сплетням и фантастическим анекдотам о нем, и становилось ясно, какая он важная персона для них, для их отжатой и высохшей жизни.

Но сейчас он топал в своих моржовых пьексах, купленных прошлой осенью в Рейкьявике, в своем популярном пальто по серой и белой московской зиме, по мягкому мутному дню, по предновогодней улице Горького, сейчас он топал, мало узнаваемый в густой толпе, приветствуемый лишь редкими криками, задумчиво-долговязый, впавший вдруг в меланхолию.

И вдруг публицистика показалась ему скучной и ненужной, и вдруг душа его затосковала по далекой еще весне, по встрече, которой он ждал всю свою громовую жизнь.

А о себе-то ведь никогда не думал. Все битва, схватка, опровержение, предположение, движение вперед и слезы общие из глаз, а где же моя-то слезинка, маленькая моя, где ты?

Та девушка таитянка на поэтическом вечере, которая таитянскими мягко-искрящимися глазами смотрела на него давеча из третьего ряда... Он успел ей крикнуть тогда: «Вы таитянский цветок, вы – лотос! А я – русский можжевельник! Поняли? Я русский можжевельник! Знаете, что такое можжевельник?» Она кивала ему в водовороте лиц, тянула к нему свою узкую руку, но толпа уже уносила его в другую сторону.

Тут у магазина подарков под хлопьями снега стали складываться стихи о девушке-таитянке, тут вдруг, совсем забывшись перед лицом всенародно узнавшей его толпы, Лева Малахитов, тридцатитрехлетний любимец народа, сложил стихотворение о русском можжевельнике.

Я можжевельник, можжевельник маленький,
А вы цветочек таитянский аленький...
Я можжевельник, я – по грудь в снегу,
Ко мне медведь выходит на поживу.
Но вы, на таитянском берегу,

Не верьте прессе, суетной и лживой!

- Сочиняет, – говорили в толпе.
- Сейчас рванет!
- Лева, давай!
- Лева, выжми на полную железку!

Закончив стихи и вздрогнув, он увидел вокруг множество светящихся лиц. Сердце его рванулось, колоколами загудела восторженная кровь, он распахнул пальто, стащил с головы уральский свой треух, купленный в Монреале, и стал читать...

Совсем недавно отгремел «матч столетия», в котором Лева защищал ворота сборной хоккейной команды нашей страны. Он защищал их смело и решительно от нападения жутких канадо-американских профессионалов, сборной команды «Звездной лиги». Одну из звездных троек возглавлял сам Морис Ришар, хоккеист № 1, старый Левин приятель еще по вынужденной посадке на острове Кюрасао.

Вот что произошло: в конце третьего периода Ришар получил право на буллит, то есть на поединок с вратарем нашей сборной, с Левой Малахитовым, любимцем народа.

Вот Ришар стоит, согнувшись, выставив вперед свою страшную клюшку. Вот Лева стоит, в своей вратарской маске похожий на паяца. Вот они оба стоят в неожиданном звуковом вакууме после пятидесяти девяти минут ураганного рева.

Счет 2: 2. Буллит Ришара – последняя надежда «звездных» на выигрыш. Верное дело, стопроцентный шанс.

Вот грозный Ришар покатился к Лева, грозный Ришар и могучий, сверкающий платиновыми зубами, пиратской серьгой в изуродованном ухе, хромированной головой; медленно надвигается он с выпирающими мускулами, как бронированный Ланцелот, грозный Ришар, главный гладиатор мира, это ведь вам не какой-нибудь упаковщик из Келовны.

«Морис, ты идешь на меня, – думал Лева, – ты идешь на меня, рыжий буйвол Канады, как сказал Семен Исаакович. Мальчики мои, Локтев, Альметов и Александров, братья Майоровы и Вячеслав Старшинов, мама моя, скромный библиотекарь, ты, мой Урал седовласый, и Волга-кормилица, жена моя Нина, святая и неприступная, товарищи дорогие из всех кругов общества, видите, вот я стою перед ним, худенький паяц, бедный Пьеро, простой пастушонок с Урала. Морис, в тебе нет пощады, ты обо всем забыл, Морис. Вспоминаешь ли ты в эту секунду вынужденную посадку на Кюрасао? Помнишь, как кувыркался наш „Боинг“, падая в океан, и все мои девочки, любимые стюардессы, героически боролись с нашим плохим самочувствием, и как мы еле-еле выровнялись над океаном и еле дотянули до Кюрасао, а мы с тобой вечером пошли в бар с этими храбрыми девочками из компании КЛМ, а в баре, где нас узнали, была орация, и я на своем маленьком „страдивариусе“ играл Паганини, а ты, Морис, делился опытом силовой борьбы, и хозяин, растроганный, нам с тобой треугольные часики подарил, равных которым нет в мире. Где твои часики, Морис? Мои в раздевалке. А где же твоя мама, Морис, маленькая кассирша Армии спасения из твоего родного Квебека? А-а-а, сейчас ты сделаешь финт, Морис, а потом швырнешь шайбу, как кусок твоей безжалостной души, но я, худенький паяц, безжалостно ее поймаю, и в моей ловушке она забьется, пока не утихнет, я поймаю эту сотню твоих надежд, и мы разойдемся с миром».

Дальше произошло следующее. Лева неожиданно рванулся вперед и упал под шайбу. Ришар великолепно покатился через него, блистательно проехался по льду. Шайба отлетела к бортику за ворота. Лева полетел за ней сломя голову, худеньким животом прижал к борту бизоньи ягодицы Ришара. Оба они снова рухнули на лед, а шайба волчком вертелась совсем недалеко от них. Уже не решаясь встать на ноги, оба маневрировали на животах, и вдруг наш Лева на своем животике стремительно описал полукруг и накрыл шайбу. Ришар, рассыпаю-

щий искры, медно-ужасный, медленно подъехал к поднявшемуся Лева, постукал клюшкой ему в бледно-уральские глаза, всхлипнул, видимо вспомнил Кюрасао, прижал к груди. Оба они заплакали. Снимок поцелуя обошел все газеты мира, даже «Женьминь жибао» напечатала, правда, под рубрикой «Их нравы».

Густеющие сумерки изменили окраску дня, он стал темно-синим с белым, и белого становилось всё больше, снег падал хлопьями величиной с носовой платок, платки медленно планировали, появлялись один за другим, и небо, темно-синее, почти уже черное, лишь мелькало между ними, лишь мелькало, и Лева весь стал белым и даже громоздким, как Дед Мороз.

Он подбежал к засыпанной телефонной будке, рванул дверь и скрылся от глаз.

Это была привычная стеклянная и снежная упаковка, а внутри было уныло, тепло, уютно и пахло невинным грехом (тысяча воспоминаний!), и все здесь встало перед ним в дырочках телефона, начиная с детского («Это зоопарк? Нет? А почему обезьяна у телефона?») и кончая нынешним, мужским (звонок домой – к жене Нине, святой и неприступной).

– Нина?

– В чем дело?

– Это я, Лева.

– В чем дело?

– А-а... вот... я... ты не думай... Ниночка... это все Мишка Таль и Тигран... засиделись, понимаешь, Нинок, Нитуш... разбирали последнюю партию Боби.

– Мне-то что?

– Ты, конечно, думаешь...

– Ничего я не («... что я был у девок...») думаю! («... афинские ночи, я знаю...») Ничего я не думаю! («... ты мне не веришь, ты...») Ничего я не думаю! («... ты думаешь, что...»)

– ...я мерзавец, опустившийся («... когда наконец...») тип, а я ведь только тебя («... когда наконец...») люблю, ты святая, а я жалкий тип («... когда наконец... кончатся эти всхлипывания?»)

Молчание...

– Что ты делаешь, Нинок?

– Читаю.

– Что читаешь?

– Исповедь Ставрогина.

– А-о.

– Что «а»?

– Интересно.

– Ты читал?

– Ниночка!

– Врешь!

...молчание, в будке почти неслышным шепотом в сторону: «Нет пророка в своем отечестве...»

– Сидишь в очках?

– Да.

– Ты мой добрый филин.

...молчание...

Воспользовавшись этой третьей паузой, расскажем историю их любви и союза.

Они познакомились лет уже семь или восемь назад на далекой сибирской стройке, куда Лева Малахитов, в то время молодой молодежный деятель, приехал с неопределенной целью.

Лева, легкомысленно-прогрессивный, гулял по эстакаде, говорил все, что полагается: «Ну как, ребята? Ну как, девчата?» – иной раз застывал, каменел, суровел – в необозримой сибирской дали виднелись ему костры Ермака. Быстро с его приездом наладилась на стройке общественно-массовая и культурная работа.

Ночь просидев с инженерами, Лева сдвинул с мертвой точки расчет важнейшего узла плотины.

Однажды, стоя с шестом на бешено несущемся плоту, мчась по дико стремительной реке, стоя с шестом среди бурунов, валунов, стоя с шестом в туче брызг, в радугах, пьяный без вина и счастливый, стоя с шестом на плоту, он увидел вдруг на берегу замысловато-одиноким порталный кран. Сперва показалось, что на будке установлены голубые прожекторы, а это были Нинины очи. Нина, малообразованная, но мечтательная девушка, работала тогда на одиноком башенном кране в тайге. Сколько раз мечтала она, жмурясь на реку, о появлении в облаке брызг сказочно прекрасного молодежого комсомольца, и вот он появился – Лева Малахитов.

Круто сманеврировать между скал и причалить к подножке стального великана, припасть к ногам прожекторглазой Нины было для Левы делом одной минуты.

До вечера пробыли они вдвоем в будке крана, вируя и майная, перетаскивая валуны с места на место, чтобы не сидеть без дела.

И вот уже ярко сверкающий день сменился пылко красным закатом, когда Нина и Лева оказались возле будущей гидростанции. Здесь, в роторе турбины, произошла их первая любовь.

О их свадьбе долго еще ходили разные рассказы по необозримой Сибири.

Ну, говорили: например...

В Москве Нина занялась самообразованием. Неожиданно выявились недюжинные, а проще сказать, фантастические способности. Нина глотала книгу за книгой. В любое время ночи Лева, просыпаясь, видел ее головку, упирающуюся лбом в настольную лампу. Сначала пошли классики. Потом зарубежная современная литература. Одновременно овладела тремя европейскими языками. Тут как раз вошла она в компанию самых серьезных людей в Москве и с должным презрением судила в этом кругу современную отечественную словесность. Пошла философия – Гегель, Кант, изучение дзэнбуддизма, возврат к христианству, новый отход от него, ночные слезы в подушку рядом с безмятежно храпящим Левою, ночные слезы о судьбе человека, утренняя серьезность, на припухшем лице – очки (мой добрый филин), попытка чтения вслух и критика всемирно известного мужа.

В компании серьезных людей о муже Нины говорили с добродушной улыбочкой – что с него возьмешь: кумир студенчества, баловень судьбы, поэт, хоккеист, футболист, музыкант, конструктор, кто еще? Леонардо да Винчи, хе-хе-хе. Нина страдала и кри-ти-ко-ва-ла бедного Леву за его феерическую жизнь. Подушки Левы то и дело летели с кровати на диванчик. Лева сидел в темноте на диванчике, тарацил красные от шампанского уши – ни слова, о друг мой, ни вдоха, – плакал.

Способностями к чтению он обладал не меньшими, чем Нина, – больше того, он обладал зеркальной памятью и мог, как В. Б. Шкловский, запоминать все прочитанное наизусть, но не мог отдать себя целиком чтению, уйти в философию, сидеть дома по ночам, когда ему со всех сторон звонили – Лева, сыграй, Лева, напиши, выступи, Лева, сконструируй то да се, слетай туда и сюда, помоги, выручи, дай по зубам, Лева!

Да, Ниночка критиковала своего Леву за несерьезность, но отнюдь не из ревности к воображаемому сонму блондинок, брюнеток, шатенок, рыженьких, разумеется окружавшему такого человека, как Лева. Эти предполагаемые полчища, легионы отнюдь не преследовали ее по ночам, совершенно не заставляли скрежетать зубами, мучиться в бессоннице,

все это чушь, недостойная даже презрения. Она была человеком широко образованным и философского склада. Несерьезность Левы – вот что ее огорчало.

– Ойстрах звонил, Ниночка?

– Нет.

– А кто звонил?

– Стравинский звонил из Парижа.

– Что говорил?

– Да ой, Господи! (Иногда вырывалось и такое – память о тайге.)

– Нинок, умоляю, о чем Игорь говорил?

– Да пишет для тебя партию для баса. У тебя разве бас?

– Нина!

– Ты всегда тенором пел.

– Опять издеваешься, Нина? Зачем тебе над басом-то моим издеваться? Ведь это же мне Бог дал, Бог и возьмет... (Жалобное всхлипывание.)

... Молчание под бу-бу-бу, слоновий ропот контрабасов (влюбленность контрабасов во все другие инструменты известна), медовое течение флейты и напряженное фортепьяно по два такта на такт...

– Куда ты сейчас, Лев?

– На елку.

– Ох!

– Что, Ниночка, моя любимая?

– Нет уже сил.

– Пойми, они попросили... и детвора ждет... ребята из филармонии, Зоя Августовна... ну...

– Да ну вас всех к лешему!

Сибирячка трубкой по рычагу на том конце провода, в Измайлове, сибирячка – с разбегу – лицом в подушку, капли сибирских слез на «Исповедь Ставрогина», к лешему всех!

А Лева вышел из будки и нырнул за угол на относительно тихую площадь с большими кусками нетронутого пушистого снега, раскланялся с человеком, ведущим на поводках четырех отменных псов-боксеров, нырнул под арку сурового дома и появился оттуда с дворничихой лопатой.

На задах площади метрах в ста от памятника имелся снежный холм, достигающий высоты человеческого роста, Лева бодро приступил к нему с лопатой. Под взмахами лопаты обнаружился голубой «Москвичок», купленный прошлым летом в Риме. Подбежала дворничиха из сурового дома:

– А я уж думала – какой злодей лопату таянул? А это ты, Лева?

– Приголубьте меня, Марфа Никитична! – воскликнул Лева и припал к необъятно-ватному плечу. Коротко всплакнул.

– Ну, Левка, че ты, че ты, в самом деле! – Дворничиха задрожала, как от щекотки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.